

Светлана АЙВАЗОВА

К истории феминизма

Первичное разделение труда между мужчиной и женщиной — один из самых загадочных фактов истории. Почему это разделение труда поставило женщину в неравное, зависимое от мужчины положение? Ведь именно женщина всегда обладала самым ценным качеством — способностью воспроизводить жизнь, продолжать род. Как это ни парадоксально, но похоже, что именно эта способность и была причиной, предопределившей характер неравнозначного распределения ролей между мужчиной и женщиной, когда за мужчиной было закреплено право на «внешнюю» деятельность, на освоение мира и господство над ним, а значит — на роль субъекта истории, а за женщиной — право на рождение и воспитание детей, на обустройство дома, быта, т. е. право на жизнь в сфере «частной». Однако и здесь, в доме, в «частной» сфере женщина оказалась подчиненной мужскому авторитету, стала объектом власти мужа. Может быть, дело в том, что в этом разделении труда участвовала еще и третья сторона — род, стремившийся полностью контролировать поведение того существа, которое обеспечивало его воспроизводство? Она-то, эта третья сторона, и поддержала мужчину в его претензии на господство, на власть. Современная канадская исследовательница О'Брайен отмечает, например, что «идеология мужского превосходства находит свое обоснование не в конкретных сексуальных отношениях, а в глобальном процессе человеческого воспроизводства»¹.

Древнейшие мифы об андрогинности человека и мифы исторического времени

Для оправдания такого распределения ролей, установившего между мужчиной и женщиной отношения иерархической зависимости, сложился миф о «природном назначении» каждого пола, об особенностях «мужского» и «женского» характера, о «тайне» пола. Правда, древнейшие мифы, пересказанные греческими философами, несли в себе какой-то зародыш сомнения относительно подлинности этой «тайны» — зерно будущей ереси. Они говорили о первичной андрогинности — целостности человека, будь то мужчина или женщина (в каждом из них якобы в равной мере присутствуют оба начала). И о грехопадении человека, повлекшем за собой его распад на две половины. С тех пор обе половины единой прежде души бродят в мировом пространстве,

¹ Пит. по: Femmes et contre-pouvoirs. Quebec, 1987, p. 192.

сильясь отыскать друг друга и обрести утраченную полноту. В нем, в этом обретении, залог бессмертия и блаженства. В этих мифах не сказано ни слова ни о «природном» назначении мужского и женского пола, ни об особенностях мужского и женского начал, они говорят только об их взаимосвязи-взаимозависимости. Но это — доисторические мифы. Мифология исторического времени фиксирует строгую соподчиненность в отношениях между полами: *мужчина* — полноценный человек, *субъект* истории; *женщина* — жена своего мужа, *объект* его власти — власти патриархального рода. Идеальный принцип такого порядка вещей: «Жена да убоится мужа своего».

Согласно этому принципу, мужское и женское — два противоположных начала: первое — основное, положительное, активное; второе — производное, пассивное. Женщина при таком подходе — существо не только подчиненное, но еще и весьма подозрительное. Раз в месяц она больна и в эти дни нечиста, а любые контакты с ней опасны. В ее присутствии превращается в уксус вино, скисает молоко, увядают цветы, опадают листья, гибнет урожай. Ее кровь — знак будущей жизни, но и знак смерти. Смерти, угрожающей мужчине: она — поглотительница его энергии, плакальщица на его похоронах. Вообще, она — олицетворение хаоса, ночи, космоса: слышит и понимает голоса ветра, деревьев, трав. Сивилла, Пифия — прорицательница, медиум, гадалка. Грек Пифагор уверенно заявлял: «Существует положительный принцип, который создал порядок, свет, мужчину, и отрицательный принцип, который создал хаос, сумерки и женщину». Аристотель добавлял: «Женщина — это самка в силу определенного недостатка качеств... женский характер страдает от природной ущербности... женщина есть только материя, принцип движения обеспечен другим, мужским началом, лучшим, божественным». Ветхий завет предлагал мужчине возносить такую молитву: «Благословен Господь Бог, не сотворивший меня женщиной». Его жене предназначались другие слова: «Благословен Господь, сотворивший меня по своей воле». ...Мудрец Платон, воскресивший для мира легенду об андрогине и понимавший смысл мифа о тайне пола, благодарил, однако, богов за то, что они даровали ему свободу, а не рабство, создали мужчиной, а не женщиной.

Христианство — великая религия искупления, религия личностная, облегчает давление родовых сил. Оно объявляет, что жизнь и смерть человека зависят не от «злой» женской природы, приписываемой ей язычеством, а лишь от воли Божией. Оно в принципе усложняет взгляд на человека, выделив в нем духовную и физическую субстанции, душу и тело. По Евангелию, там, в горних высях уравниваются все души, и эллина, и иудея, и мужчины, и женщины. Но путь от иерархического неравенства, закрепленного сначала родом, потом обществом, к потенциальному личностному равенству во Христе долог и крут. А пока земная женщина вовсе не равна мужчине. Она греховна, как греховна ее праматерь Ева, сообщница дьявола, орудие темных сил, обрекших человека на изгнание из рая. Все, что связано с плотью, для истинного христианина греховно, и вместилище греха — женщина. Но то же христианство предлагает и другой подход к определению сути женского начала — превознося образ Богоматери.

В той же мере, в какой Ева — символ любви-искушения, Дева Мария — символ любви-спасения. Лик Марии осиян чистотой, ее имя благословенно. Она возвеличена как Мать своего Сына, Дева непорочная, добровольно преклоняющая колена перед Ним. В этом акте женственность обретает, наконец, черты святости и вечности. Означала ли эта символика, что только отречение от плоти, от греховного соблазна — практически отрицание пола — есть путь к спасению от греха, избавление от давления рода, путь к возможному личностному воплощению женщины в Боге? Как бы там ни было, христианство противопоставило образ Евы — природно-родовой жен-

ственности, образу Девы Марии — женственности духовной, просветленной, личностной и вечной.

Култ Девы Марии со временем развился в романских странах юга Европы в култ Прекрасной Дамы. Этот култ предвещал возможность преобразования отношений между мужчиной и женщиной; он снимал с их любви проклятие греха, опрокидывал иерархию в отношениях господства-подчинения: рыцарь поклонялся и подчинялся даме, она была его госпожой. Благодаря этому культу любовь индивидуализируется — другой человек и связанное с ним чувство признаются ничуть не менее значимым основанием для индивидуального бытия, чем существование рода или Божественного начала. Это лишь один из признаков того, что связь человека с родом стала опосредованной, что интересы рода оказались вытесненными интересами конкретной семьи, сначала большой, подобной роду, затем все меньшей и меньшей.

Становление личности

По мнению французского социопсихолога Ж. Менделя, к XVI в. в Западной Европе возникает совершенно новый тип человека — человека, отделившегося от рода, от своего сообщества, общины; возникает индивид с собственным самосознанием, с тоской, любовью и одиночеством². Это и есть «кризис, надлом в роде», о котором напишет Н. Бердяев. А французская писательница, философ Симона де Бовуар отметит: «Чем сильнее индивидуализируется особь мужского пола, чем выше потребность мужчины в такой индивидуализации, тем скорее он будет признавать и за своей подругой право на индивидуальность и свободу»³. Де Бовуар увязывает общий процесс индивидуализации человека с его эмансипацией от груза патриархальных обычаев и традиций. Ведь что такое эмансипация? Это автономное направленное действие субъекта, творящее собственное освобождение. Этот процесс привел к вызреванию в западноевропейском обществе идеала «свободы, равенства, братства». Становление личности женщины, ее эмансипация — обязательная часть данного процесса.

Уже в XIII—XIV вв. появляются новые, странные женские фигуры — еретички романского Юга, объявляющие о своем праве на особую интерпретацию Учения Христа, о своем мессианстве. А чуть позднее — первые писательницы, актрисы, затем светские дамы, фаворитки, озобоченные политической жизнью и развитием науки. В XVII—XVIII вв. вспыхивает целое созвездие королев, цариц, правительниц. Само их существование ставит под сомнение миф о «природном назначении» женщины, пусть даже речь идет как бы об «исключении из правил». Тогда же, в XVII в. разворачивается теоретический спор о положении женщины в обществе. Появляются сочинения, опровергающие традиционные взгляды на женщину и обосновывающие ее право считаться таким же полноценным человеком, каким является мужчина. Например, К. Агриппа, автор сочинения «Декламация о благородстве и превосходстве женского пола над мужским», убеждал читателя в том, что женщина рождается таким же свободным существом, как и мужчина, что ее природные задатки ничуть не менее совершенны, чем мужские, просто они — иные. Другой убежденный сторонник женского равноправия П. де ля Барр в эссе «О равенстве обоих полов» доказывал, что неравенство полов есть результат подчинения женщины грубой мужской силе, а вовсе не предписание природы⁴. Просветители в целом разделяли этот подход: Вольтер обличал несправедливость женской

² См.: M e n d e l G. On est toujours l'enfant de son siccle. Le XX sciecle: un regard psychopolitique. Paris, 1986, p. 99.

³ D e B e a u v o i r S. Le Deuxieme Sexe. Paris, 1949, p. 274.

⁴ Цит. по: D e B e a u v o i r S. Op. cit., p. 179.

доли; Дидро полагал, что униженное существование женщины есть следствие определенных гражданских законов и обычаев; Монтескье считал, что женщина может и должна участвовать в общественной жизни; Гельвеций доказывал, что гражданская непросвещенность женщины вызвана недостатками ее воспитания, а то и вовсе отсутствием такового, и т. д.

Разоблачив абсурдность мифа о женщине как о существе второго сорта, органически неспособном быть равным мужчине, просветители воздержались, однако, от признания ее гражданской состоятельности — ее способности выступать в роли *субъекта* истории. Особую роль сыграл здесь знаменитый «защитник вольности и прав», глава школы эгалитаризма Ж.-Ж. Руссо. Развивая идею «естественного права» применительно к женщине, Руссо включил в ее состав миф о «природном назначении» пола и тем самым надолго закрепил прежнее сексуальное разделение труда между женщиной и женщиной.

Невольно возникает вопрос, почему же тогда современники отмечали, что в свое время Руссо занимал в сердцах женщин то же место, что занимал Вольтер в умах мужчин? И почему его порой даже относят к числу сторонников женского равноправия? Дело в том, что Руссо попытался внести коррективы в положение женщины, но сделал это, ориентируясь на взгляды и предпочтения усредненного европейского буржуа. Руссо со всей страстностью обрушился на феодально-сословный брак, брак, заключающийся по воле родителей жениха и невесты и больше похожий на финансово-экономическую сделку, чем на таинство. В своих бесконечно длинных романах он воспел живое чувство женщины, воспел любовь, Материнство, сострадание, т. е. узаконил за той, которую называли «вместилищем греха», право на всю полноту человеческих чувств. Короче, Руссо сделал какой-то шаг вперед, к идеалу свободы и равенства. Но для предреволюционной эпохи этого уже было мало. Женщина в его стране вполне сложилась в человека, готового бросить вызов традициям и объявить миру: «Я существую».

Стихийное стремление женщин к гражданской активности

Не дожидаясь специальных декретов, женщина почувствовала себя свободной и равной. Историк и романистка Д. Годино писала, что к началу Великой французской революции, несмотря на формальное непризнание, женщины принимали активное участие в жизни общества⁵: огромная масса женщин работала на себя и обладала экономической независимостью, простолюдники свободно посещали публичные места, светские дамы руководили из своих салонов придворной жизнью, диктовали моду не только на платье, но и на идеи. Женщины разных сословий имели свои представления не только о семейном счастье, но и об общественном благе, об идеях свободы, равенства, независимости, счастья человечества. И это было нормой поведения. Больше того, в канун и в первые годы революции в общем хоре требований свободы от деспотического гнета зазвучали и голоса женщин, добивавшихся признания их прав на гражданскую жизнь — в форме ли права на труд, права на образование, права на уважение в семье и обществе. Хлынул поток авторских и анонимных брошюр, статей в женских газетах и журналах, особых, «женских», наказов. Это брошюры и мадам де Суази «Женщины, как их следует видеть», и мадам де Гакон-Дюфур «Памятка по поводу женского пола», и анонимные брошюры «Крик честной женщины», «Очевидная истина». Появляются «Протест французских женщин» против созыва Генеральных Штатов без их участия, «Увещания и вопли французских женщин». В них француженки не противопоставляли себя сильному

⁵ См.: «Cahiers du feminisme», 1989, № 49, p. 9. 156

полу, но обращали внимание на свое бесправие. Они не отделяли себя от всей нации и ждали от революции, что принципы «свободы, равенства, братства» преобразят и их жизнь, ждали признания своей гражданской полноценности. Не случайно, все историки революции 1789 г. с легкой руки Мишле пишут о «коллективном участии» женщин во всех ее битвах, иначе говоря, о стихийном стремлении женщин к гражданской активности и о стихийном же признании нацией их права на гражданство.

Главный документ этой революции «Декларация прав человека и гражданина» торжественно провозгласил: «Все люди рождаются свободными и равными в правах...». Его обращение «*Les hommes*» — «Люди», а во французском «*l'honime*» означает одновременно «мужчина» и «человек», но никак не «женщина», имело оттенок двусмысленности. Было очевидно, что в общепризнанную категорию «свободных» и «равных» попадают мужчины, но оставалось непонятным, попадают ли в нее женщины. Революционные же власти придерживались позиции умолчания на протяжении всего периода революции. Они не могли ни принять политических требований женщин, ни открыто отклонить их. С одной стороны, на них давили женские толпы, женские массы, организованные в смешанные и «женские» клубы, собрания, женские бунты, женские походы, в том числе поход на Версаль, резко ускоривший ход революционных событий, т. е. бесспорные факты женской, вполне зрелой, гражданской активности, которую нельзя было вдруг перечеркнуть законодательным актом, исключаящим женщин из общественно-политической жизни. А с другой, груз неизжитых патриархальных традиций, преобладание крестьянского населения, влияние католической церкви — все то, что вскоре даст о себе знать в Вандее и будет противостоять революционному Парижу. Тут было над чем призадуматься!

Революционные законодатели так и не признают за женщинами права быть включенными в категорию «свободных» и «равных». И этот отказ, сначала в виде умолчания, а затем явный, приведет к возникновению совершенно нового общественного явления — феминизма — движения в защиту политических и гражданских прав женщины. К числу его родоначальниц можно в равной мере отнести француженку О. де Гуж, англичанку М. Уолстонкрафт, американку М. Адаме. Но первым документом феминизма, бесспорно, явилась вышедшая в 1791 г. из-под пера де Гуж «Декларация прав женщины и гражданки». В ней де Гуж объявляла, что женщина ничуть не менее мужчины способна выступать в качестве полноправного субъекта основных гражданских прав — на свободу, владение собственностью, сопротивление деспотизму. Единственной преградой в этой сфере является «тирания сильного пола». Законы природы и разума призваны оградить женщину от нес и установить равноправие обоих полов перед законом.

Декларация вызвала в обществе бурю негодования. Особенно не понравилась фраза, которая впоследствии станет крылатой: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну»⁶. Фраза оказалась еще и пророческой. В ноябре 1793 г. де Гуж по ложному доносу отправили на гильотину. Почти тогда же была казнена и другая знаменитая участница революции М. Ролан — жена министра внутренних дел в двух правительственных кабинетах Жиронды, которая не просто направляла деятельность своего мужа, но стремилась наложить руку на весь ход государственных дел, правда, оставаясь в тени мужа. Ролан скептически оценивала лозунги женской эмансипации, она писала: «Я не верю, что наши нравы позволят женщине проявить себя. Женщины должны вдохновлять на добрые начинания, а не конкурировать с мужчинами на политическом поприще»⁷. Как показали события, идейная осмотрительность

⁶ Dunet P.-M. *Les femmes et la revolution*. Paris, 1971, p. 71.

⁷ *Ibid.*, p. 78.

Ролан была оправданной. Но ее собственное поведение тоже опрокидывало патриархальные представления о назначении женщины. Это хорошо понимали ее противники, казнившие королеву Жиронды еще и как лицо, преступившее черту дозволенного, пренебрегшую традиционными нормами. Показательны комментарии газет, писавших о жизни Ролан в беспощадно нравоучительном тоне: «Имея дочь, она пожертвовала долгом и чувством матери, чтобы возвыситься, а желание быть ученою заставило ее забыть добродетели ее пола. Эта опасная забывчивость довела ее до смерти от руки палача»⁸.

Конституции, декреты и женское равноправие

Конституция 1791 г. установила различие между «активными» и «пассивными» гражданами и отнесла женщин ко второй категории, лишенной права избирать и быть избранной. Поборницы полноценного женского гражданства встретили это решение в штыки. Подготовка конституции 1793 г. проходила при живейшем обсуждении темы об «активных» и «пассивных» гражданах. Но и эта новая конституция безоговорочно лишила женщину политических прав. Установления конституции попыталось оспорить самое радикальное женское общество периода революции — «Общество женщин революционных республиканок». Под его нажимом 9 ноября 1793 г. впервые в истории орган официальной власти — Комитет общественного спасения — решал вопрос об участии женщин в революции, т. е. в общественно-политической деятельности. Революционные республиканки, известные своими боевыми заслугами перед революцией, были потрясены, услышав выступление делегата Амара, заявившего от лица Комитета следующее: «Политические права любого гражданина предполагают, что он может участвовать в принятии решений, затрагивающих государственные интересы... Имеют ли женщины моральные и физические силы, необходимые для того, чтобы пользоваться такими правами? Всеобщее мнение признает, что нет... Каждый пол призван заниматься тем, что назначено ему природой»⁹.

В пылу борьбы революционные республиканки не заметили, что революция перешла на другой этап. Она пошла на спад, стремилась к общественной стабилизации. В таких условиях пыл и азарт радикалок становился крайне опасным для властей, раздражал их, и они решились, невзирая на былой авторитет женских обществ, наложить запрет на их деятельность. С этой точки зрения выступление Амара звучало как предостережение. За предостережением последовали вскоре и конкретные меры: в ноябре 1793 г. Конвент принял постановление о закрытии всех женских клубов и ассоциаций: весной 1795 г. был издан еще более суровый декрет, запрещавший женщинам присутствовать на любых политических собраниях, вообще собираться в общественных местах. Окончательно отрезвил француженок принятый в 1804 г. Гражданский кодекс Наполеона, 312 статья которого объявила, что женщина не имеет никаких гражданских прав и находится под опекой своего мужа. Теперь уже даже слабоумному было ясно, что идеал «свободы, равенства, братства» предназначен для регулирования отношений только среди мужчин.

Впрочем, кроме наполеоновского кодекса в историю уже навсегда вошел к тому времени такой документ, как «Декларация прав человека и гражданина», который объявил об универсальности идеала «свободы, равенства, братства» и не предусматривал в своем тексте перед лицом закона никаких исключений — ни по признаку расы, ни по признаку пола: «Люди рождаются свободными и равными в правах»...

⁸ Цит. по: Ш л о с с е р Ф. Женщины Французской революции. СПб, 1865, с. 124.

⁹ С е r a t i М. Le Club des citoyennes republicaines revolutionnaires. Paris, 1966, p. 164.

В сущности, весь XIX век для женщины — это поиск ее социальной идентичности в границах, обозначенных этими полярными законодательными актами, между признанием и отрицанием ее права на существование в качестве субъекта, гражданки, члена общества. Ж. Де Сталь, писательница, философ, но вовсе не феминистка, писала в 1800 г.: «Существование женщины в обществе не предопределено никакими принципами: ни естественным порядком вещей, ни порядком социальным»¹⁰. Наполеон, ярый противник Де Сталь, ненавидевший ее аристократизм и просвещенную утонченность, утверждал в своем кодексе, что женщина без мужа — ничто, она не может ни распоряжаться своими доходами, ни отвечать перед законом, ни вообще считаться полноценным индивидом. Философы, историки, идеологи всех мастей — от консерваторов Бональда и Де Местра до либерала Мишле — вслед за ним хором твердили о гражданской несостоятельности женщины. Они звали к традициям и ссылались на добрые старые правила о природном назначении пола, об умственной ограниченности женщины. В их глазах женщина всегда отягощена материнством, она больна, хрупка, нервна и склонна к истерии. Женщины в общественном месте, на собрании, митинге, в толпе — неконтролируемые и опасны. От женской толпы исходит угроза коллективного психоза. Кроме того, женщины полуобразованы, склонны к мистике, фантазиям, полностью подчинены церкви. Короче говоря, на новом витке истории в очередной раз воспроизводились догмы мифа о «тайне пола» в разных его вариациях.

Концепция женщины в утопическом социализме

Лишь крайние чудачки решались оспорить эти догмы. Один из них Ш. Фурье в 1808 г. в своем труде «Теория четырех движений» писал: «В целом прогресс и смена исторических периодов происходят в результате движения женщины по пути свободы, а регресс социального порядка означает уменьшение свободы женщины. Расширение прав женщины есть главный принцип социального прогресса»¹¹. Этот «системный мечтатель» выстроил на бумаге общество будущего и назвал его Гармонией. Он противопоставил Гармонию существующему порядку Цивилизации, пронизанному ненавистью и презрением к человеку. В его проекте строй Гармонии предполагал отношения взаимного уважения и равенства всех — мужчин, женщин, детей.

Другой чудак А. де Сен-Симон, умирая, оставил в качестве наследия своим ученикам загадочную фразу: «Мужчина и женщина — вот социальный индивид»¹². Ученикам не оставалось ничего другого, как заняться ее расшифровкой или разработкой аргументов для социального обоснования женской субъектности. Правда, перед ними стояла еще одна задача — сочетать в социальной практике идеалы свободы, равенства, братства и социальной справедливости. Время, истекшее с момента провозглашения «Декларации прав человека и гражданина», доказало, что принцип свободы иногда, если не всегда, противоречит принципу равенства, принцип равенства — принципу социальной справедливости, принцип социальной справедливости — принципу свободы. Для преодоления этих противоречий, а также с целью возвращения женщины в историю ученики Сен-Симона разработали свою теорию общественного развития, назвав ее «Новым христианством».

Главная идея «Нового христианства» — возрождение христианской проповеди любви к ближнему на новой основе позитивного знания. Эта проповедь была призвана обеспечить мирную реорганизацию жизни всего человечества

¹⁰ De Stael G. De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales. Paris, 1800, p. 84.

¹¹ Fourier Ch. Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. Paris, 1808, p. 180. ¹² Цит. по: Groult B. Le féminisme au masculin. Paris, 1977, p. 127.

и заменить авторитет грубой силой, агрессивность и милитаризм авторитетом знания, искусства. Вместо «отрицательного» понятия свободы и идеи ложного равенства сен-симонисты вводили понятия гармонической ассоциации, социального блага и справедливости, которые полагали концом двум недостойным явлениям — эксплуатации труженика и угнетению женщины.

В главном — в признании идеи освобождения, эмансипации женщины — ученики Сен-Симона были едины. «Новая» женщина для них — гарант морального оздоровления человечества. Но в выборе средств расходились решительно. Именно этот вопрос вызвал сначала раскол, а затем и развал сен-симонистской школы. Более умеренные проповедники женской эмансипации, такие как А. Базар, считали, что эмансипация вовсе не предполагает «упразднения священного закона о браке, провозглашенного христианством». Напротив, равенство супругов в браке означает «выполнение этого закона», «его новую санкцию»¹³. Более радикальные, и первый из них П. Анфантен, настаивали на разрушении христианского брака с его лицемерием, презрением к женской плоти, к чувственной стороне половых отношений, а значит, к самой женщине. Обличая христианские предрассудки, Анфантен возводил чувственность в культ, настаивал на том, что только через реабилитацию женского тела лежит путь к подлинному освобождению женщины. Его религиозность была пронизана чувственно-мистическими мотивами: для него женское начало — сила, вдохновляющая мужчину, оплодотворяющая мужской рационализм, стимулирующая социальный прогресс. И это потому, что Всевышний имеет два равнозначных лица, две ипостаси — «Он» и «Она», «Отец» и «Мать». Анфантен доказывал, что для реализации сен-симонистских идей нужна «новая церковь» во главе с первосвященной парой: «Жрец» и «Жрица», которые будут руководить делом освобождения женщины, складыванием новых отношений между мужчинами и женщинами сначала среди «прихожан», затем, постепенно расширяя круги влияния, в обществе в целом. Опыты «верховного жреца» Анфантена и его проповеди были столь экстравагантны, что привлекли к себе внимание не только сторонников школы, не только прессы, но и судебных властей, которые предъявили ему обвинение в оскорблении общественной нравственности. Суд приговорил Анфантена к году тюрьмы и навсегда закрепил за ним славу проповедника идеи «общности жен». Вслед за ним эта слава перешла и на всех социалистов.

Это был «последний» аргумент в спорах за влияние на женщину, резко усиливавшихся по мере того, как разворачивались два разных, но в равной степени значимых и для общества, и для женских судеб процесса — массового распространения женского труда и постепенного установления контроля над рождаемостью. Начиная с 30-х годов XIX в. капитализм стремительно врывается в жизнь Западной Европы, буквально взрывая ее уклад. Складывается крупная промышленность, возникают большие города, происходят приток в них крестьянства, распад ремесленного труда и т. д. Прогресс промышленности был оплачен разорением мелких хозяйств, разрушением традиционных семейных связей, ростом городской нищеты с присущими ей чертами: проституцией, увеличением числа незаконнорожденных и подкидышей, аборт и детской смертности. Массовый женский наемный труд сопровождался кризисом семьи в самых низших слоях городского общества. Кроме того, он превращал женщину в конкурента мужчине на рынке труда, обостряя напряженность в отношениях между полами.

Феминистские идеи Фурье и Сен-Симона пришлись как бы на стык двух этапов женского движения — первого, начального, когда на волне освободительных идей Великой французской революции женщина заявила о себе: «я существую», и второго, наступившего вместе с промышленной

¹³ См. Изложение учения Сен-Симона. М., 1960, с. 576

революцией XIX в., когда женщина с полным основанием утверждала: «я работаю — значит я существую». Это утверждение стало опорой для феминизма XIX в., который развивался, осваивая новые, идеологические и политические формы, идеи, лозунги. Но какие бы формы он ни принимал, его отправной посылкой оставались две фразы: «Мужчина и женщина — вот социальный индивид» (Сен-Симон) и «Расширение прав женщины есть главный принцип социального прогресса», которую сформулировал Фурье. Великие утописты, таким образом, вышли за пределы суждения о «природном назначении» женщины, нисколько не посягая на последнее, не оспаривая его. Отныне речь шла уже не столько о «естественном», сколько о социальном праве женщины, праве на свободу, равенство, братство. Этот теоретический фундамент упрочил все феминистские идейные конструкции. К началу XX в. их было довольно много: энергично действовали суффражистки, отстаивавшие политико-правовое равенство женщины; социалистки, защищавшие идеи равной оплаты женского труда, участия женщин в профсоюзах; радикальные феминистки, пропагандировавшие идеи сознательного материнства и контроля над рождаемостью; возникали женские благотворительные общества, а на их основе — христианский феминизм. Все эти направления, каждое на свой манер, помогали женщине так или иначе осваиваться с новой для нее ролью социального субъекта, *субъекта истории*. В результате медленных, «ползучих» завоеваний в конце XIX — первой половине XX в. женщинам удалось добиться права на образование; на равный с мужчинами труд и заработную плату; позднее — получить право голоса и право быть избранными, сначала в местные, затем в высшие эшелоны власти; право входить в профсоюзные организации и политические партии; право на развод, кое-где — на применение противозачаточных средств и на аборт; право на государственную помощь по беременности и родам, на отпуск по уходу за ребенком и т. д.

Марксисты и «женский вопрос»

Особую роль в этом процессе сыграли марксисты. Прежде всего им удалось преодолеть антифеминистскую позицию, поначалу преобладавшую в рабочем движении. Типичным и самым крупным представителем этой позиции был П.-Ж. Прудон. Он категорически отрицал идеи женского равноправия, право женщины на участие в гражданской жизни. В 1848 г. от имени общественной морали и справедливости он протестовал против выдвижения кандидатуры известной французской феминистки Ж. Деруан на выборах в Национальное собрание. А через десять лет, в 1858 г. Прудон выпустил в свет свой многотомный труд «О справедливости в Революции и Церкви»¹⁴, где среди прочего попытался обосновать и свои антифеминистские позиции. Споря с сен-симонистами и фурьеристами, чьи взгляды к тому моменту уже сложились в определенную социалистическую традицию, он доказывал, что только мужчина заслуживает определения «социальный индивид». Женщина может жить лишь как приложение, дополнение к мужу, но никак не в качестве независимого субъекта. Да, мужчина и женщина вместе — это андрогин. Но он не распадается на две равные половины. Вне супружеской пары, отдельно от мужа женщина не имеет никакой ценности. Поэтому внутри четы устанавливаются отношения не партнерства, но любви, симпатии, союз неравный, неравноправный. По всем данным — физическим, интеллектуальным, моральным — женщина уступает мужчине. Прудон давал даже арифметическую формулу этого неравенства. Соотношение физических, умственных, моральных способностей женщины и мужчины составляет: $2 \times 2 \times 2$ и $3 \times 3 \times 3$, т. е. $= 8$ к 27 . Единственная

¹⁴ P r o u d h o n P.-J. De la Justice dans la Revolution et dans l'Eglise. Paris, 1858.

возможность подтянуть женщину к мужчине, единственная доступная в Этом случае форма эмансипации для женщины — брак. Брак, по Прудону, есть слияние мужской мощи и женской красоты, преобразование любви в справедливость, наконец — социальное рождение женщины. Судя по письмам Прудона, понятие «справедливость» в браке он толковал вполне обыденно, не как социальный мыслитель, а как вчерашний крестьянин: «Молодой человек,— обращался он к своему адресату,— если ты задумал жениться, то нужно усвоить, что первое условие успешного брака — это превращение мужчины в хозяина дома, господина над женой... Если твоя жена начнет откровенно перечить, следует обломать ее любой ценой»¹⁵.

Начиная с середины XIX в. ситуацию характеризует атмосфера морального кризиса, переживаемого массой рабочих, мелких и средних служащих, представителями городских низов. Он происходил на фоне ошибки традиционных патриархальных установок с новыми формами общественной морали, с новыми требованиями к поведению супругов. Кризис переживался одинаково трудно обоими супругами. Марксисты окрестили весь этот узел противоречий «женским» вопросом и предложили на него свой ответ.

У Маркса нет специальных работ, посвященных «женскому» вопросу. Есть множество отдельных положений о роли и месте женщины в семье и обществе. Обобщенный труд на эту тему принадлежит перу Ф. Энгельса — это работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Она до сих пор входит в «золотой фонд» феминистской литературы. Маркс разделял концепцию книги — она была выработана совместно и продолжала традиции Сен-Симона и Фурье. Однако в отличие от своих предшественников Маркс и Энгельс обращались не столько к индивиду — будь то женщина или мужчина, сколько к массам. К массам женщин, втянутых в наемный труд, к их мужьям, тоже наемным труженикам. Им они объясняли, что за «тайнством» пола скрываются своего рода «производственные отношения» — отношения воспроизводства человеческого рода.

Крупная промышленность наносит непоправимый удар по традиционной семье: она «разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения»¹⁶, отношения неравного, подневольного существования женщины. И в этом — позитивный смысл наемного женского труда, который создает необходимые экономические предпосылки для независимости женщины, для ее освобождения. Кроме того, положение женщины — наемной труженицы — есть положение классовое. Она принадлежит к пролетариату. Поэтому задача ее освобождения совпадает с более общей задачей освобождения пролетариата.

Марксова концепция освобождения женщины была адекватна своему времени. В центре ее — тема женского труда. Но это и главное обстоятельство «из жизни женщины» второй половины XIX века. Под влиянием этого факта эмансипация — тема личностная — рассматривается преимущественно сквозь призму социально-экономических явлений. Хотя в работах Маркса и Энгельса содержательное обоснование концепции выглядит достаточно сбалансированным, у нее был существенный изъян. Его заметят позднее, столетие спустя. Французский социолог Э. Морен, подводя итоги развития идей женского равноправия, напишет, что попытка рассмотреть проблему угнетения женщины с помощью категорий классового анализа является упрощением хотя бы потому, что эта проблема сложилась в доклассовую, а может быть, и доисторическую эпоху и имеет не столько социологический, сколько антропо-социологический характер¹⁷.

¹⁵ Цит. по: Thibert M. Le féminisme dans le socialisme français de 1830 a 1850 Paris, 1926, p. 187.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 500.

¹⁷ См.: Benoit M., Morin E., Pa it lard B. La Femme majcure. Paris, 1973, p. 134.

Марксисты, убежденные в том, что их назначение заключается не в «объяснении», а в «изменении» мира, свой подход к освобождению женщины считали единственно верным и решительно размежевались со всеми остальными поборниками женского равноправия. Особенно досталось от них традиционным феминисткам, добивавшимся в первую очередь признания политических прав женщин. Марксисты видели в их требованиях акт признания буржуазной политической системы, а потому наградили и эти требования, и сам феминизм определением «буржуазный». И повели с ним как с частью системы ожесточенную борьбу. В ходе борьбы идеи классиков в целях популяризации подверглись упрощению, вульгаризации: тема личного самоосуществления женщины как основы эмансипации была практически вытеснена темой коллективной борьбы женских масс за дело пролетариата, «уравнивания женщины перед лицом народного хозяйства» в качестве «трудовой силы» «с трудовой силой мужчины»¹⁸. Очевидно, что при таком подходе от идеи эмансипации не оставалось и следа — с исчезновением понятия «женская личность» исчезала и проблема становления женщины в качестве субъекта истории.

Так произошло в России, где в канун октября 1917 г. марксисты боролись с «буржуазными» феминистками за влияние на женские массы". Главным идеологом этой борьбы была знаменитая общественная деятельница, теоретик пролетарского женского движения А. Коллонтай. Ее и сегодня почитают западные феминистки, видя в ней провозвестницу неофеминизма 60-х годов. Это верно лишь отчасти. Выступая в качестве пропагандиста марксистского похода к женскому освобождению, Коллонтай убежденно разъясняла, что угнетение и неравенство слабого пола — исторически преходящие явления, они «вовсе не связаны с особыми природными свойствами женщины и не вытекают из того, что ее ум ниже по качеству ума мужчины»²⁰. Это несправедливо, «порабощение женщины связано с моментом разделения труда по полу, когда производительный труд выпадает на долю мужчины, а труд подсобный — на долю женщины. Чем резче проводилось такое деление, тем неизбежнее совершалось и закрепощение женщины»²¹. Таковы наблюдения Коллонтай над историей.

Но с этими наблюдениями почти несовместимы ее же собственные выводы о происхождении «женского» вопроса. Она утверждает, что «„женский" вопрос возник как результат противоречий, созданных капитализмом, противоречием между ростом числа женщин, втянутых в народное хозяйство, и отсутствием их равноправности в обществе, в браке, в государстве». И дальше — главное: «Отдельного, самостоятельного „женского" вопроса не существует; противоречие, которое при буржуазном строе угнетает женщину, является неотъемлемой частью великой социальной проблемы борьбы труда и капитала»²². Противоречивость позиции очевидна. Если женское порабощение есть результат определенного «неравного» разделения труда, то возникающий на этой основе «женский» вопрос является самостоятельным вопросом, не сводимым к проблеме борьбы труда и капитала. Но для Коллонтай — деятельницы той партии, которая стремится «изменить» мир, где противостоят только две силы — труд и капитал, такой вывод невозможен. Она делает другой вывод и снимает «женский» вопрос как отдельный, особый с повестки дня. Так марксист-практик побеждает в Коллонтай феминистка-теоретика.

¹⁸ См.: Щепкина Е. Женское движение в годы французской революции. Пбг, 1921, с. 3 (вступление А. Коллонтай).

¹⁹ См. подробнее Айвазова С. Идеи истоки женского движения в России. «Общественные науки и современность», 1991, № 4.

²⁰ Коллонтай Л. М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М., 1923, с. 4.

²¹ Там же, с. 22.

²² Там же, с. 109.

Тем проще ей было согласиться на роспуск феминистских организаций после октября 1917 года. Новая власть в Стране Советов первыми же декретами предоставила женщинам всю полноту гражданских прав и свобод, уравнив их с мужчинами перед лицом закона. По логике Коллонтай, этого было довольно для обеспечения реального равенства женщины в обществе. Почти довольно. Довольно для того, чтобы независимое женское движение перестало существовать. Почти, потому что Коллонтай, а вместе с ней лучшие представительницы пролетарского женского движения — И. Арманд, Н. Крупская, К. Самойлова — рассчитывали совершить в стране еще одну революцию: изменить быт нового человека, окончательно ликвидировав сферу «частной» жизни с ее особым укладом. Государство должно было создать мощную сеть «общественного» быта — со столовыми, прачечными, больницами, школами, детскими садами, общежитиями и т. д. Все это могло снять с женщины груз домашних забот и обязанностей. Освобожденная таким путем женщина была призвана заняться общественно-полезным трудом. Отсюда главный лозунг Коллонтай того времени: «Выковать из женского трудового резерва армию рабочих и крестьянок!». Для ликвидации последствий гражданской войны и разрухи, для экономического прорыва в «светлое» будущее страна получила рабочие руки: 90% ее женщин заняты «общественно-полезным» трудом. Правда, при этом их не освободили от домашнего труда. Больше того, быт нового человека почти всегда был осложнен трудностями — дефицитом продовольствия, жилья, детских учреждений и т. д.

Парадокс это или нет, но все государства «советского» типа использовали лозунги эмансипации — свобода, равенство, братство — для расправы над личностью, для формирования системы тотального господства. И марксистская версия, сводившая проблему эмансипации к проблеме «женского труда», а положение женщины — к положению «резервной» рабочей силы, более или менее независимо от намерений идеологов способствовала этому. Сталин превратил эту идею в еще более символический лозунг «Мы освободим крестьянку трудоднями!». И освободили — от самой свободы, от гражданства. В вечном треугольнике «мужчина—женщина—род» верх одержал род — государство. «Отец народов» как сила верховная — символ этого государства — подмял под себя индивида-мужчину и взял на себя его «отцовские» функции — по обеспечению семьи продовольствием, жильем, по воспитанию детей, заботе о престарелых. С женщиной «Он» общался с помощью Комиссий по охране материнства и детства, понятие «отцовства» напрочь исчезло из официальных бумаг и речей. Женщина же могла обратиться к «Нему» через его представителей — парткомы, профсоюзы, администрацию — и пожаловаться на мужа, который пьет, бьет, изменяет ей, разводится и т. д.

Жизненный уклад, характерный для того времени, О. Мандельштам описал как эпоху, которой нет дела до человека, которая использует его как кирпич и строит *из него*, а не *для него*. Это была эпоха «женского труда».

«Женщиной не рождаются...»

Долгие годы западные феминистки, даже самые проникательные, такие как де Бовуар, были убеждены в плодотворности «советской» модели эмансипации — эмансипации посредством труда. Формально-юридические, законодательные перемены они принимали за глубокие социокультурные сдвиги. И потому марксистское решение «женского» вопроса находили вполне достаточным для преодоления патриархальных норм и традиций. Впрочем, именно у де Бовуар, несмотря на ее святую веру в дело социализма, сомнения все же были, и они побудили ее написать специальную работу о положении женщины — двухтомный труд «Второй пол»²³. Книга, вышед-

²³ De Beauvoir S. Le Deuxieme Sexe. Paris, 1949

шая в свет в 1949 г., вяло продавалась во Франции, но пользовалась ошеломляющим успехом в США. Позднее, в 50-е годы ее переиздавали во многих странах мира (в России же она появится лишь в начале 1993 года). Три поколения западных женщин выросли на ней, почитая ее за новую Библию.

О чем же писала де Бовуар? Не вступая напрямую в полемику с марксистской трактовкой «женского» вопроса и продолжая считать, что победа социализма автоматически освобождает женщину, изменяет ее положение в обществе, она переносила акцент с проблемы коллективной борьбы как гарантии такого освобождения на проблему личного становления женщины в качестве субъекта, т. е. восстанавливала тему эмансипации в ее истинном значении. Это было естественно для философа-экзистенциалиста, в системе суждений которого понятия «свобода воли», «свобода выбора», «самоосуществление личности» занимают основное место. Для де Бовуар, так же как для Ж.-П. Сартра, ее мужа и единомышленника, единственно подлинная реальность бытия — сам человек, в природе которого нет ничего заранее заданного, predetermined, нет никакой «сущности». Эта сущность складывается из его поступков, является результатом всех совершенных в жизни выборов. Поэтому, отталкиваясь от легенды о тайне пола, о «загадочной женской душе», де Бовуар утверждала, что такой загадки не существует, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся». Существует биологическое различие между мужчиной и женщиной. Но различия экзистенциального, на уровне человеческого бытия нет, вернее, оно не predetermined природно, а создано искусственно. Оно навязано конкретными социально-историческими условиями человеческого бытия: за тысячелетия патриархального господства прочно сложились определенные общественные нормы и стереотипы, которые предполагали, что только мужчина является полноценной личностью, женщине же они отводили роль его «второй половины», чуть ли не его собственности. Де Бовуар подчеркивала, что на заре истории произошло разделение ролей и сфер бытия, закрепившее за мужчиной сферу внешней деятельности, сферу формирования культуры и общества, а за женщиной — сферу воспроизводства жизни, как бы сферу природы, в результате чего возникли и стереотипы сознания, отождествлявшего с мужчиной культуру, с женщиной — природу. Однако изначально в женщине заложены те же потенции, те же способности к саморазвитию, что и в мужчине. Конфликт между этой природной субъектностью и навязанной историей ролью объекта и составляет сущность «женского» вопроса. Он predetermined содержание требований женского движения. Главное из них — признать в женщине полноценного человека.

По признанию самой де Бовуар, книга «Второй пол» задумывалась ею как продолжение размышлений философа-экзистенциалиста над судьбой человека, а вовсе не как специальное феминистское исследование. Но история любит парадоксы: книга принесла ей славу родоначальницы современного феминизма и его крупнейшего теоретика. До сих пор ее книга остается самым полным историко-философским исследованием о положении женщины практически от сотворения мира и до наших дней. В ней подведены итоги просчетов и достижений женского движения прошлых лет и подготовлена основа для его дальнейшего развертывания в качестве «инобытия» центральной идеи книги — идеи о свободной, «автономной» женской личности, способной «присвоить» собственную жизнь через присвоение своего «тела».

Современницы де Бовуар не осмелились превратить эту идею в исповедание веры. Осмелились их дочери. Ее голос услышан был сразу, не сразу дошел смысл призыва; его нужно было осознать, освоить. Известный французский психолог и феминистка Э. Бадинтер так писала об этом процессе: «Симона де Бовуар освободила миллионы женщин от тысячелетнего

патриархатного рабства... Несколько поколений женщин откликнулось на ее обращение к ним: поступайте, как я, и ничего не бойтесь. Завоевывайте мир, он — ваш. Взмахом волшебной палочки Симона де Бовуар рассеяла догму о естественности сексуального разделения труда. На нее ополчились консерваторы всех мастей. Но прошлого не вернуть. Ничто не заставит нас вновь поверить в то, что семейный очаг — наше единственное назначение, домашнее хозяйство и материнство — непреложная, обязательная судьба. Все мы, сегодняшние феминистки — ее духовные дочери. Она положила нам дороги свободы»²⁴.

Феминистки 60-х годов — ее духовные дочери — обязаны ей в первую очередь тем, что они оценивали себя и свою жизнь новыми мерками — мерками свободного человека. Пробуждение социального женского самосознания — основное достижение неофеминизма, который сложился на волне мощного студенческого движения 60-х годов как один из потоков этого движения²⁵. Позднее участники бунта тех лет признают, что женская революция была главным результатом их движения. Она расширила горизонты демократии: лозунг «Если женщина имеет право на половину рая, то она имеет право и на половину власти на Земле!» вынудил власть имущих потесниться и впустить, наконец, женщин во все властные структуры общества. Эта революция в принципе изменила общественные представления о содержании демократии, заставила увидеть многогранность, многоликость, «пестроту» социального пространства, которое держит в напряжении не один — центральный — конфликт, не одно противоречие, а множество разных конфликтов, разных противоречий, по-разному разрешаемых. И один из этих конфликтов — едва ли не самый древний — конфликт между мужчиной и женщиной, возникший в момент первоначального неравного «социального и сексуального» разделения труда.

Признание «пестроты», многоликости, разнообразия общественных противоречий позволяло говорить о наличии и возможном сосуществовании разных форм субъективности. Не все неофеминистки были готовы до конца следовать за де Бовуар и видеть в женщине существо, аналогичное мужчине. Часть из них отстаивала идею об особой женской субъективности, специфике женского начала, о праве женщины не копировать мужской стандарт социального поведения, а жить в истории на свой манер, сообразно женской натуре. Для сторонниц де Бовуар, исходивших из принципиальной схожести, даже равенства экзистенциального начала в человеке, будь то мужчина или женщина, этой женской «сущности», в принципе, и быть не может: быть женщиной — это не призвание, а состояние. Женщина должна самоутверждаться как любой человек — в труде, в творчестве, в саморазвитии. Сторонницы «права на отличие» доказывали, что вся предшествующая история и культура выстроена в соответствии с мужским видением мира, с мужскими вкусами, предпочтениями — мир «маскулинизирован». Поэтому, входя в историю, женщина должна противопоставить мужским стандартам и стереотипам свои, женские. Без утверждения своего особого взгляда на мир, на историю и культуру женщины рискуют потерять самобытность и просто раствориться, исчезнуть в мужском обществе²⁶. Наследницы де Бовуар — «эгалитарные» феминистки — упрекали своих оппоненток за то, что они все свои заключения выводят на уровень сексуальных отношений и их проявлений, что для них «признак пола — главный и повсеместный»²⁷.

Спор между феминистками очень быстро вышел за пределы их «семьи»:

²⁴ «Le Nouvel Observateur», 1986, 2—8 mai, p. 13.

²⁵ О предпосылках и итогах женского движения 60-х годов см.: Массовые движения в современном обществе. М., 1990, с. 117—128.

²⁶ См. Irigaray L. Le Temps de la différence. Paris, 1989, p. 56.

²⁷ M o s s u x-L a v a u J. Politique de liberations sexuelles. «Nouvelle histoire des ide'es nolitiaues». Paris, 1987, p. 542.

в него оказались втянутыми представители всех наук о человеке — биологи, физиологи, психологи, антропологи, этнографы, философы, историки, филологи. Это произошло еще и потому, что с середины 70-х годов под напором феминисток в западных университетах повсеместно возникали центры «женских», «феминистских», исследований с особыми программами. Основной задачей таких центров было выявление и определение особенностей — или отсутствие таковых — женского начала, женского взгляда на мир, женских ценностей. Свой выход из тупика этого спора предложили исследователи, строившие анализ исходя из сравнительных характеристик «мужского» и «женского» начал. В центре их анализа стояло понятие «gender» — буквально «род». По смыслу это понятие на русский язык можно перевести только фразой — «социальные отношения полов», «социально организованные отношения полов», социально закрепленное разделение ролей на «мужские» и «женские». Введение этого понятия в научный оборот преследовало несколько целей: перевести анализ с «биологического» уровня на уровень «социальный», раз и навсегда отказаться от постулата о «природном назначении полов», показать, что понятие «пол» принадлежит к числу таких же смыслообразующих понятий, как «класс», «раса». Одна из виднейших представительниц «тендерного» подхода, американский историк Дж. Скот, отмечала, например: «Понятие „гендер“ имеет первоочередное значение при описании отношений власти... Концепция социально организованных отношений пола структурирует как восприятие, так и конкретную, а на ее основе — символическую, организацию любой формы социальной жизни»²⁸.

Широкое распространение тендерных исследований в США, Канаде, скандинавских странах оказало сильное влияние на эволюцию общественных норм и представлений о назначении женщины. Об этом говорят самые простые примеры, в частности, скажем, такие: 56% американок открыто признают себя сегодня феминистками, из 10 американских служащих в армии одна — женщина, министр обороны в Финляндии — женщина, половина постов во всех структурах управления в Норвегии принадлежит женщинам.

Спор о назначении женщины, начатый небольшой группой феминисток, заявивших миру в конце 60-х годов XIX века: «я мыслю, значит, я существую», сегодня получил завершение в принятых международным сообществом документах против ликвидации всех форм дискриминации женщины, где женщина признается таким же полноценным субъектом истории, как и мужчина, и где подчеркивается, что рождение детей — это право, а не обязанность женщины, или, иначе говоря, где личность женщины оценивается выше, чем ее «природное назначение».

В известном смысле — это и признак воплощения идеала «свободы, равенства, братства» в отношениях между мужчиной и женщиной в нынешнем обществе, и признание права на свободу за сексуальными меньшинствами, и возможности хирургического вмешательства и перемены пола, и техника искусственного деторождения. Кстати, один из крупнейших специалистов в этой области, французский биолог Ж. Тестар, обсуждая тему «мужской беременности», вполне доступной технически, отмечал: «Мы больше никогда не сможем на традиционный манер рассуждать о „мужском“ и „женском“ началах. Недавний прогресс биологии, эволюция социальных отношений между мужчинами и женщинами приводят меня к мысли, что отношения между полами есть континуум, в глубине которого нет подлинной дуальности»²⁹.

²⁸ Scott J. *Genre. Une categorie utile d'analyse historique*, «Les Cahiers du GRIF», 1988, № 37—38, p. 143.

²⁹ «Le Nouvel Observateur», 1984, 2—8 mai, p. 112.

С Тестером можно соглашаться, а можно и спорить. Его мысль можно принять, если исходить из того, что «дуальность» пола означает лишь признание простой противоположности «мужского» и «женского» начал, когда с «мужским» связаны проявления агрессивности, предприимчивости, воинственности, напора, с «женским» — любви, милосердия, ненасилия, терпимости, точнее, если видеть в них не культурные стереотипы и символы, а проявления конкретной реальности. А можно и спорить, если принять позицию Н. Бердяева и вести разговор не о «тайне мужественности» и не о «тайне женственности», а о «тайне человека», если видеть в эротической энергии, устанавливающей связь между полами, «источник творчества», «путь выявления красоты» в мире³⁰.

А пока у женского движения — слабого, сравнительно с бурными 60-ми годами, но существующего — есть свои задачи. Мне нравится, как пишет о них М.-В. Луи, активистка и теоретик французского феминизма: «Лично я борюсь не за феминистское общество, а за общество, свободное от сексизма, от патриархата, где будут созданы социальные условия для свободы всех гражданок и граждан и где вопросы, которые сегодня определяют только как „женские“, станут волновать всех и вся. А это, конечно, требует глубокого преобразования всей совокупности социальных отношений»³¹. Такие задачи ставит сегодня перед собой женщина — активный участник текущей истории, ее *субъект*.

© С. Айвазова, 1992

³⁰ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 437.

³¹ Louis M.V. Feminisme et syndicalisme: e'loge de la diversite'. «Pour», 1986, № 108, p. 30.